

ЛЕЦИК Владислав Григорьевич [22.1.1946, г. Сквородино Амурской обл.] – прозаик, поэт, журналист, редактор, член Союза писателей России (с 1995).

Л. – потомок третьей волны мигрантов, перебравшихся на Дальний Восток из Украины и средней полосы России. Детство и юность будущего писателя прошли в Завитинске, куда семья переехала в 1952. «Уклад жизни был полудеревенский. Мы держали корову, свинью, кур, уток, был и огород. Чистить стайку я научился рано. И корову доить приходилось», – вспоминает писатель в автобиографии.

Свою фамилию Л. считает польской, объясняя её происхождение тем, что в далёкие времена его украинских предков «крепостные нередко носили фамилию их хозяина <...>

православные холмы-предки, видимо, притащили с собой фамилию какого-то католического польского шляхтича». Про отца, Григория Филимоновича, он пишет, что, «изрядно подзабыв к концу жизни родной украинский, он так и не научился правильно говорить по-русски». Мать писателя, Надежда Игнатьевна, урождённая Пупышева, была русской, из семьи ремесленников, жившей в Елабуге. От родителей Л. унаследовал особое языковое чутьё, остроумие, любовь к словесному творчеству. Правда, за отцом «способностей к писательству не водилось», но «кустные рассказы о детстве и о молодости у него звучали очень живописно. В каждом холле Гоголь сидит», — вспоминает Л. в автобиографии. Однако его дядя «писал вирши», которые «строим напоминали шевченковские, были складные и очень смешные — но крайне неприличные». По-особенному писатель вспоминает мать, рано ушедшую из жизни. «Ни от кого я впоследствии не слышал такого богатого, старинного, на Дальнем Востоке неведомого русского языка. Поговорок и прибауток, слышанных от неё, нигде больше не встречал. Например: “Не отведаешь реденьки, дак не поешь и свёколки”. Или: “Сердилась баба на базар — а базар и не знал”. А кроме того, в детстве, в Елабуге, она росла вместе с татарчатами — и до конца дней своих прекрасно знала татарский. Думаю, внимание к языку у меня — от неё».

Чувство прекрасного формировалось у поэта и под влиянием живописи и драматич. искусства — этому он обязан своему учителю, Сергею Григорьевичу Ческидову, одновременно руководителю двух школьных кружков: ИЗО и драматического.

Писать стихи Л. начал рано — с восьмого класса. И писал их вплоть до оконч. БГПИ, на филолог. отд. которого поступил в 1963. Эту пору своего творчества автор обозначает как первый этап. Сохранилось ранних стихов немного, но они весьма показательны для понимания художественной системы Л. В них обнаруживается глубокое знание родной истории и культуры, связь с поэзией «серебряного века», имажинистскими поисками Есенина, с настроениями раннего Маяковского. Герой лирики этой поры — юноша, «книжный мальчик», переносящийся то в эпоху Крещения Руси, то в древний Рим, мыслящий себя то князем Владимиром, то Галилеем. Вдохновение часто заставало поэта на занятиях, отсюда и авторское жаровое определение, объединяющее сказание «Как князь Владимир веру выбирал» и «Фонетическую балладу», — «Из написанного на лекциях». «Ироикомический смысл сказания, — отмечает исследователь А.А. Забияко, — складывается из переплетения исторических и религиозных реалий, их травестирования, сочетания устаревшей лексики и просторечных, жаргонизированных форм, каламбуров: “За морем богов нынче много, / Выберем-ка за морем бога. / Ежели найдём в нашем вкусе, / То возьмём Перуна за уси”. Если бы Л. в то время было известно творчество Высоцкого, то можно было бы говорить о его художественном влиянии — так удивительно созвучны ранние опыты начинающего амурского поэта с молодыми ёрическими песнями Высоцкого. Но, по словам Л., знаменитого барда он впервые услышал лишь в 1969, когда сам писать стихи перестал. Очевидно, случилось следующее: Л., как и Высоцкий, очарован звучанием родного языка, он живёт в реалиях народной культуры. Редкие поговорки и приметы, воспринятые от матери, эпиграфом влетают в завязку лирического сюжета стихотворения «Помню — ехали в вагоне...» (1964): «Про слепой дождь в деревне говорят: ведьма масло колотит». «Книжный» дальневосточный мальчик, впервые путешествующий по средней полосе России, видя «шишкинско-левитановский пейзаж», знакомый по репродукциям, переживает восторг от сопричастности своего бытия вечной Руси: «Дождь хлестал, а, обессилев, он упрямо, нудно сеял, / Мокли шишкинские ели, левитановы стога... / Не новейшая Россия, а давнишняя Расея, / Русь седая. В тучах стьбло слово древнее — “туга”. // Но внезапно — прутья злата! О, дыра в небесной плоти! / Это дождь слепой родился, чтоб руками развели, / Чтобы, взвизгнув, закричали: “Ведьма масло колотит!” / В кутерьме дождя и солнца брызги масла расцвели».

Среди сочинений институтского периода выделяется «крупная форма» — «Оптимистическая трагедия в про-

зе и стихах “Огонь, вода и канализационные трубы”» (1965). Речь в ней шла о мьтарствах студентов, живущих в общежитии, где постоянно отключали свет и воду, а также был заколочен туалет. Это был печатный дебют будущего писателя, занявший в многотиражке «За пед. кадры» целый разворот. Уже в этой полупуштливого полусерьёзной «поэме» проявляется не по-юношески мудрый автор, изучающий по книгам мировую историю и литературу и одновременно живущий в реалиях народной культуры, родного языка.

На последних курсах Л. стал писать для обл. радио, для газет — «Амурского комсомольца» и «Амурской правды». Юный журналистский кадр был замечен, и в результате, получив в 1967 диплом учителя русского языка и литературы, Л. был направлен в пос. Экимчан Селемджинского р-на не в школу, а в районную газету «Горняк Севера». Район, по совбств. признанию, Л. выбрал сам — «за таёжную экзотику». Осенью того же года он был призван на службу в армию, в зенитно-ракетный дивизион ПВО, а в 1968, уволившись в запас, вернулся в Экимчан. Два с половиной года ездил по всему району, писал о золотодобытчиках, шофёрах, геологах, охотниках. Литературой Л. в это время не занимался, однако впечатления и наблюдения этой поры стали основой его прозы, которая будет написана позже.

В 1971 Л. поступил штатным охотником в Селемджинский зверопромхоз — началась его «охотничья опупея». Здесь, помимо охотничьего ремесла, ему пришлось осваивать и бондарное дело. Три года провёл будущий писатель в тайге. Это были настоящие «таёжные университеты», о которых писатель вспоминает с неизменной благодарностью: «Первый год я охотился с эвенком Иваном Соловьёвым, светлая ему память, он с самых азов меня терпеливо учил и охоте, и обращению с оленями, на которых мы кочевали по тайге. Второй год охотился самостоятельно, жил всю зиму один как перст в рваной палатке среди глухой тайги. А на третьем году моим напарником стал русский — Юрий Титов, родом сибиряк, выросший в тайге да к тому же имевший диплом охотоведа. <...> Эти люди дали мне больше, чем может дать любой институт».

В таёжном зимовье, в янв. 1973, были написаны первые рассказы. Один, «Билеты по дешёвке», — по воспоминаниям детства, о самостоятельном кукольном театре. Другой, «Грустный реванш профессора Пирата», — об Иване Соловьёве и двух его охотничьих собаках. Рассказы эти весной того же года были напечатаны в районной газете «Горняк Севера» с рисунками автора. Там же в конце 60-х — нач. 70-х появляются его эвенкийские зарисовки: «Древнее искусство народа», «Пастбище на Таламе», «Хозяева таёжных пастбищ», «Хозяйственный Ваня и Тяня-кутурук» (Таёжные картинки) и др. Сам писатель однозначно различает свою художественную прозу и эти миниатюры, впервые увидевшие свет в районной газете. Однако, как справедливо замечает А.А. Забияко, для «простой зарисовки в них всего слишком много: образы выпуклы и индивидуализированы; повествующий субъект — деятельный участник ситуации; его точка зрения творчески коррелирует с точкой зрения представителя иного этноса. Этнографические сведения в этих заметках сконцентрированы на самом насыщенном для эвенков: мифологической картине мира, языке, обычаях и этике. Несмотря на малость формы, перед нами — не журналистские эссе, а именно миниатюры, филигранные «картинки с натуры. <...> В художественных миниатюрах Л. достаточно ярко проявился и его лирический талант, обнаруживаемый в особенном графическом членении текста, его ритмизации, звукописи и возникновении спонтанной метризации».

В 1974 Л. вернулся в районную газету и стал её отв. секретарём. В теч. лета 1975 написал детективную повесть

«Дед Бянкин – частный сыщик» и опубликовал её в газете, печатая по главе в каждом номере. Сам автор так воссоздаёт историю публикации своей первой повести: «В течение лета 1975 года писал <...> и одновременно печатал её в своей районке, главу за главой. Повесть была детективной, и мои читатели меня допрашивали: “Ну скажи – кто золото украл?”. Я держался мужественно, не пробалтывался, а когда чувствовал, что читатели вот-вот угадают преступника, вписывал в очередную главу новый сюжетный ход и сбивал читающую публику со следа».

На первый взгляд, это обычная детективная история о расследовании запутанного дела, отличающаяся лишь местным колоритом: два старика – Бянкин и Максимов, жители посёлка Балыктак, – находят золото в старом сапоге. Один из стариков – начитавшийся детективов дед Бянкин – начинает поиски преступника. Под подозрение попадают люди, работающие на драге: нач. драги – Фёдор Козлов, драгер Пасюра, Пашка Письменчук и даже сполосчица Светка Авдеева. Подражая героям детективных книг, Бянкин в своём расследовании применяет различные методы: засаду, слежку и т.д. Он стремится найти преступника, чтобы восстановить справедливость, а заодно прославиться. В конце концов ему совершенно случайно удаётся схватить преступников. Однако на проверку повесть Л. оказывается совершенно необычным детективным произведением: гл. герой распыляет несуществующее преступление; поступки сыщика лишены логики, а иногда и здравого смысла; преступником оказывается помощник детектива. Автор сознательно переворачивает все традиционные сюжетные ходы детективного произведения, создавая не детектив, а пародию на него. Художественная мысль Л. работает по законам каламбура: писатель берёт привычные положения, с которыми связаны прочные читательские ассоциации, но в чём-нибудь делает отступление, вносит что-то неожиданное, случайное, разрушающее механическое развитие сюжетной схемы. Самым показательным в этом смысле является финал повести. Дед Бянкин раскрывает преступление случайно. И сыщик при этом не радостен, но подавлен, так как злоумышленником оказывается его приятель и помощник – Максимов. Момент истины не приносит искомой гармонии, напротив, оборачивается дисгармонией, разрушением дружеских связей.

Произведение Л. построено на сознательной манипуляции восприятием читателя. Автор разбрасывает «приманки» для читателя, заставляя опознавать жанровые приметы детектива и автобиографии (повесть имеет подзаголовок – «детективная автобиография»), а затем обманывает читательское ожидание, пародируя их традиционные ходы. Но пародия на жанр не является самоцелью. Комический сюжет становится поводом для серьёзных размышлений над одной из гл. проблем человека в XX в. – проблемой отчуждения и одиночества. Единств. спасением, по мнению автора и его героя, является любовь. Гармония в художественном мире повести Л. торжествует не за счёт формального обнаружения злодея, а благодаря восстановлению нормальных человеческих отношений, благодаря обретению Бянкиным чувства полноты жизни, активной причастности миру. В гл. герое повести – деду Бянкине – воскресает обновлённый образ фольклорного Ивана-дурака, за ним – лит. образ чудака, что сродни шолоховскому деду Шукурю и шукинским «чудикам», а вместе с ними и глубоко укоренённое в народной культуре мудрое улыбочное приятие жизни во всём многообразии её проявлений, со всеми её противоречиями. Языковая игра, мягкий юмор в сочетании с неизменной самоиронией, благодарное приятие мира – черты художественного видения и почерка, оформившиеся в ранней повести, становятся отличительной особенностью всего творчества Л.

После выхода «Деда Бянкина» в лит. сборнике «Приамурье моё» в 1977 Л. написал и опубликовал ещё два рассказа – «Раз на раз не приходится» и «Петух с глушителем». Оба они были напечатаны также в сборнике «Приамурье моё» (1979). В этом же году по рекомендации руководителя обл. организации Союза писателей СССР Бориса Машука Л. был направлен на VII Всесоюзное совещание молодых писателей, где участвовал в семинаре известного прозаика Василя Быкова.

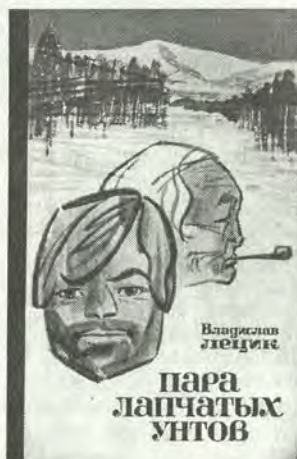
По возвращении из Москвы весной 1979, вдохновлённый творческим общением, Л. в течение лета написал повесть

«Пара лапчатых унтов», которая вышла в начале 1982 в журнале «Дальний Восток», потом – в сб. «Приамурье моё – 83». В 1984 в Хабаровске тиражом в 15 тыс. экз. был издан сборник повестей и рассказов под этим названием. Книга разошлась быстро и стала библиографич. редкостью.

Тематически эта повесть примыкает к написанным ранее рассказам и детективной повести. Объединяет их и хронотоп, и сюжетные мотивы, и ряд персонажей. Как писал в одной из рецензий И. Литвиненко, все эти произведения «объединяются местом действия (таёжный посёлок Балыктак) и кругом персонажей, которые по воле автора переходят из одного сюжета в другой, всякий раз по-новому раскрываясь перед читателем. Видишь живых людей, понимаешь, что вот такими и знает их в жизни молодой автор, сумевший не просто “срисовать с натуры” интересные характеры и обстоятельства, но создать образы и ситуации художественно обобщённые, запоминающиеся и достоверностью своей, и ярким своеобразием. В. Лецику удалось создать впечатляющий образ дальневосточного таёжного села. Эти рассказы и повести представляют собою вполне законченный литературный цикл, который я бы так и назвал: “У нас в Балыктаке”».

Сюжет повести строится вокруг важнейшего атрибута таёжной жизни и эвенкийского быта – лапчатых унтов. О символическом статусе этой вещи в повести свидетельствует её заглавие. Они – предмет первой необходимости для старого охотника-эвенка Захара Рубахина и его молодого русского напарника-ученика Пашки; они – результат долгого и кропотливого труда жены Захара, эксклюзивный продукт, имеющий помимо прочего художественную ценность; они – местная валюта, необходимая охотникам во взаимоотношениях с разнообразным начальством. И они же – объект вождения, средство самоутверждения рабочего с золотого прииска – Толика из Брянской области, которому они нужны для похвалы бы на «большой земле». В конце повести унты «тиражируются» в местном Доме быта, фактически утрачивая все свои эксклюзивные и символические значения помимо элементарного практического: в унты обуты не только охотники – все. За комическими перипетиями вокруг унтов и драматично-комичным финалом повести кроется драма начинающейся утраты малым народом национальной идентичности, размывания культурных границ, нравственной деградации «пришельцев». Однако именно комическое начало не в форме сатиры, а в духе амбивалентного народного смеха, самоирония внушают надежду на победу здоровых нравственных начал, торжество жизни над силами энтропии.

В повести «Пара лапчатых унтов» выкристаллизовался оригинальный художественный почерк писателя. Бытописание и художественная этнография роднят Л. с «певцами» таёжных походов, ежедневного подвига охотников-аборигенов и русских первопроходцев – В.К. Арсеньевым, Г.А. Федосеевым; авантурный хронотоп приключенческого романа со свойственной ему остро сюжетностью, новеллистической неожиданностью финала – со знаменитыми романами детских кумиров писателя – Ф. Купера и Дж. Лондона. Однако проза Л. не помещается целиком ни в нишу приключенческой развлекательной беллетристики, ни в отдел этнографич. литературы. Лингвистическая игра, каламбур, ситуативный и языковой анекдотизм разрушают «нудительную серьёзность» бытописания и нравственных уроков, а ирония, самоирония придают лёгкому авантюрно-приключенческому повествованию неожиданную философскую глубину и открывают путь к серьёзным размышлениям читателя. Л. говорит о важных вещах без морализаторства и ложного пафоса, и это делает его художественное повество-

вание по-настоящему достоверным и правдивым. Врожденное чувство меры, «золотой середины» позволяет писателю существовать на границах массовой развлекательной и высокой литературы, а, значит, быть открытым для широкой читательской аудитории.

Первоначально, в первой пол. 1960-х, сформировавшись как поэт, затем, в 1970-е, утвердившись как прозаик, в 1990–2000-х Л. вновь вернулся к стихотворчеству. Как справедливо замечает исследователь, «содержательно-эмоциональное наполнение лирики этих периодов различно: юношеские стихи отличаются радостное вбирание жизненных впечатлений и новых знаний, желание эти знания тут же продемонстрировать; период тяжёлых девяностых отмечены тягостной рефлексией 50-летнего мужчины, думающего о старости, об общем неустойчивости жизни, об уходящей любви. И, наконец, период 2008 г. можно назвать наиболее плодотворным в жизни поэта, характеризующимся и углублением философской проблематики, и особым драматизмом переживаний, и одно-временной свежестью чувств». Однако, несмотря на разную тематику и тональность ранних и зрелых стихов поэта, неизменной остаётся интонация, в которой не слышно ни жалобы, ни упрека, а лишь благодарность и любовь, оттенённые самоиронией: «А знаешь – не так всё страшно. / Когда ты меня разлюбишь, / Меня пожалеет судьба. // Когда ты меня разлюбишь, / Судьба мне пошлёт развязку, / Стремительную, как хитрость, / Спасительную, как сон. / И ангел с мечом инсульта, / Или придурок в “Тойоте”, / Или кирпич простодушный / На выручку мне придут. // И я усну, улыбаясь, / Уже навсегда улыбаясь, / Уже навсегда не зная, / Что я тобой не любим».

Любовь в картине мира Л. – ось, вокруг которой вращается поэтическая вселенная. Жители её – дед, отец, мать, погибший сын, любимая. Любовь во всех своих ипостасях – сыновняя, родительская, чувственная становится главным предметом переживания лирического героя. В зрелых стихах ему открывается и божественная природа воскресающего земного чувства, которое переживается почти как религиозное: «Былое, моё и твоё, / Быльём порастает. / И трижды петух пропоёт, / И утро настанет, // И мне не отречься уже, / Тебе не отречься, – / Как будто в крутом вираже / Мы падаем в вечность. // И это – паденье во сне, / В блаженстве и жути, / Навстречу последней весне / И первой – по сути».

Поэтические циклы Л. 1990-х и 2000-х наиболее полно представлены в выпусках разных лет альманаха «Амур».

Отдельной страницей лит. деятельности Л. является редакторская работа. В 1984 он стал технич. редактором в редакционно-издат. отделе (РИО) обл. управления по печати. В 1990 РИО получило статус самостоят. издательской фирмы. Название осталось прежним – РИО, – но расшифровывается иначе: «Редактирование И Оформление». С 1993 Л. является директором «РИО». Он же и гл. редактор издаваемых здесь художеств. и иных книг. Среди них выделяется регулярное издание – лит. альманах «Приамурье». Дух редактируемого Л. альманаха – дух сподручествования. Не помощи, а именно сподручествования. Помощник – тот, кто помогает, подаёт помощь со стороны. Сподручествует – тот, кто разделяет с тобой твой путь, твою ношу. Редакторское сито Л. не безжалостно – многим и разным авторам даёт надежду на читателя, простор для роста. Доверяясь сам, учит он и других доверию к жизни и слову. Творчество Л. во всех своих ипостасях – поэтической, прозаической, редакторской – являет собой образец цельности и особой эстетической целостности, основа которой – благодарное принятие мира во всей его драматической противоречивости, любовь и доверие.

Соч.: Древнее искусство народа // Горняк Севера. 1967. №14. С. 2; Хозяева таёжных пастбищ // Горняк Севера. 1969. №29. С. 1; Пастбище на Таламе // Горняк Севера. 1969. №56. С. 2; Билеты по дешёвке // Горняк Севера. 1973. №12. С. 5; Грустный реванш профессора Пирата // Горняк Севера. 1973. №24. С. 4; Дед Банкин – частный сыщик // Приамурье моё – 1977: Лит.-худож. сборник. Благовещенск, 1977. С. 182–239; Хозяиственный Ваня и Таня-«скутуру» // Амурская правда. 1979. 18 марта. С. 3; Раз на раз не приходится // Лит. учёба. 1979. №3. С. 35–42; Петух с глушителем // Приамурье моё – 1979: Лит.-худож. сборник. Благовещенск, 1979. С. 135–151; Пара лагчатых унтов. Благовещенск: Амурское отд. Хабаровского кн. изд., 1984. 256 с.; Костюмы // Амур: Лит.-худож. альманах. №1. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2002. С. 11–16; Стихи // Амур: Лит.-худож. альманах. №4. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2005. С. 8–10; Стихи // Амур: Лит. альманах БГПУ. №7. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2008.

С. 2–4; «Снова стихами повоево...»: О. Л. Завальнюк // Амур: Лит. альманах БГПУ. №10. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2011. С. 25–28.

Лит.: Литвиненко И. Два ответа на три вопроса: о творчестве В. Лещика // Молодой дальневосточник. 1983. 12 февр.; Кондрашечкина Т.Г. Функция предметных образов в прозе Владислава Лещика // Лосевские чтения – 2009: Материалы региональной научно-практической конференции. Вып. 2 / Под ред. А.В. Урманова. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2009. С. 75–82; Забияко А.А. Лирический герой Владислава Лещика: Homo legens – homo ludens // Лосевские чтения – 2010: Материалы региональной научно-практической конференции / Под ред. А.В. Урманова. Вып. 3. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2010. С. 97–118; Кондрашечкина Т.Г. Пространственно-временная организация и предметный мир рассказа В. Лещика «Костюмы» // Лосевские чтения – 2010: Материалы региональной научно-практической конференции / Под ред. А.В. Урманова. Вып. 3. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2010. С. 119–127; Забияко А.А., Трошина Н. Версификационные координаты художественного мира Владислава Лещика // Вестник Амурского госун-та. Сер. Гуманитарные науки. 2011. №3. С. 76–80; Забияко А.А. Истоки художественной этнографии Владислава Лещика // Лосевские чтения – 2011: Материалы региональной научно-практической конференции / Под ред. А.В. Урманова. Вып. 4. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2011. 87–109; Филипова О.Н. Насколько детективна «детективная повесть» В. Лещика «Дед Банкин – частный сыщик»? // Проблемы художественного миромоделирования в русской литературе: Сб. науч. трудов / Под ред. С.И. Красовской. Вып. 10. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2011. С. 97–110.

С.И. Красовская

ЛИ ЯНЬЛИН (ЯНЛЕН) [15.3.1940, Бэйань, Китай] – проф. Цицикарского ун-та, зам. председателя Амурской обл. писательской организации, член Союза писателей России (с 1997), поэт, издавший в Благовещенске 3 сборника стихов на русском языке, переводчик, историк литературы и редактор, подготовивший уникальные многотомные серии произведений русских эмигрантов в Китае, кавалер российского ордена Дружбы (2004), иностр. член Российской Академии наук в области истории и филологии (2012), почётный доктор неск. российских вузов.

Уникальность Л. в том, что он возложил на себя «посланическую миссию сохранения и распространения русской культуры и литературы» (А.А. Забияко). Ещё в детстве у Л. возник интерес, а потом и любовь к языку и культуре России. Он вспоминает: «Советский красноармеец подарил мне тоненькую книжечку стихов Пушкина. Я принёс её домой. А мама сказала мне: «Ян-

лен! Когда ты сможешь прочитать эти стихи, я скажу: господин Янлен, вы стали талантливым человеком!».

В школе учительницей Л. была русская эмигрантка, раскрывшая перед ним богатства культуры России. Затем он окончил ф-т русского языка и литературы Хэйлунцзянского ун-та (г. Харбин). Здесь произошла ещё одна судьбоносная встреча: русский язык и литературу Л. преподавала ректор ун-та Ван Цзиюй. Она прекрасно знала русскую культуру, была первым переводчиком на китайский язык произведений М. Горького. Но когда в годы «культурной революции» Ван Цзиюй стала защищать студентов от засилья «красных охранников», ей, по словам Л., «наклеили ярлыки “шпионки советского ревизионизма” и “контрреволюционера”, надели на неё шутовской колпак, начернили лицо, заставили стоять на коленях, били кулаками и палками. Её дочери сломали пять рёбер только за то, что она была дочерью “шпионки”. Однако Ван Цзиюй не сдалась и не стала клеветать на своих коллег, как того от неё требовали. Освободили её только через семь лет, а после смерти Мао Цзэдуна назначили ректором Шанхайского ун-та. Ван Цзиюй была человеком великой культуры, ума и гражданской смелости». Именно она преподала Л. урок не только любви к русской культуре, но и стойкости в защите того, что тебе дорого. Поэтому, когда в 1967 красные командиры бросали в огонь книги, оставшиеся от русских эмигрантов, уничтожали их как «контрреволюционный мусор», Л., рискуя головой, начал тайно по крохам собирать небольшие поэтич. томтики, прозу, журналы с произведениями русских